Изданіе Т-ва „Литература и Наука"

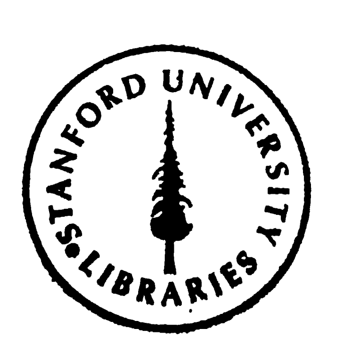
В. Ѳ. Боцяновскій.

В. В. ВЕРЕСАЕВЪ

Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева.

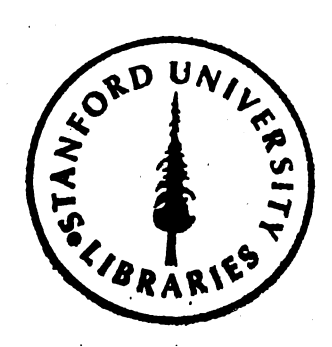
Цѣна 40 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія", Загородный, 17.
1904.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

В. В. ВЕРЕСАЕВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

В. В. ВЕРЕСАЕВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ.

В. Ѳ. Боцяновскій.

В. В. ВЕРЕСАЕВЪ

Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Февраля 1904 г.

I.

Приступая сорокъ лѣтъ тому назадъ къ разбору злободневнаго тогда романа Тургенева „Отцы и дѣти“, Страховъ слѣдующими словами характеризовалъ настроеніе современнаго ему общества. „Мы, говорилъ онъ, чувствуемъ нѣкоторое удовлетвореніе только тогда, когда хоть не надолго въ насъ вспыхиваетъ нравственный энтузіазмъ или закипаетъ негодованіе и презрѣніе къ господствующему злу. Чтобы насъ затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совѣсть, нужно коснуться самыхъ глубокихъ изгибовъ нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, какъ бы ни были велики чудеса ума и таланта. Живѣе всѣхъ другихъ говоритъ въ насъ потребность нравственнаго обновленія и потому потребность обличенія, потребность бичеванія собственной плоти“.

Слова эти, несмотря на то, что сказаны они были болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, невольно приходятъ въ голову какъ только вы захотите понять и объяснить себѣ значе-

ніе и успѣхъ молодого современнаго писателя г. Вересаева.

Успѣхъ этотъ сопровождаетъ молодого писателя съ первыхъ его шаговъ. Всѣ мы были свидѣтелями того, какъ первая книжка его разсказовъ, въ синей обложкѣ, исчезала съ прилавковъ книжныхъ магазиновъ съ такой же быстротою, какъ выходившіе одновременно съ нею сѣренькіе томики Максима Горькаго. Имя г. Вересаева было у всѣхъ на устахъ, его читали, о немъ говорили, спорили по поводу его героевъ, его идей. Прошелъ, однако, годъ, другой и популярность г. Вересаева стала значительно падать. Его какъ будто бы стали забывать. Только года два тому назадъ вокругъ его имени поднялся шумъ, на этотъ разъ вызванный книжкой замѣчательно умной, задушевной и правдивой, а именно его „Записками врача“. Шумъ этотъ, однако, былъ уже совершенно иного свойства, чѣмъ тотъ безспорно живой интересъ, который былъ вызванъ его разсказами. Г. Вересаевъ затронулъ въ этой книжкѣ больное мѣсто нашей общественной жизни, коснулся отношеній врачей и паціентовъ, этихъ двухъ другъ другу недовѣряющихъ элементовъ, вывелъ на свѣтъ Божій много правды, правды горькой и потому естественно о немъ говорили, на него прямо напали. Я не буду касаться полемики, вызванной этой книжкой. Не только на русскомъ

языкѣ, но и заграницей появились спеціальныя брошюры, авторы которыхъ напрягали всѣ усилія, чтобы разбить г. Вересаева, чтобы доказать его невѣжество, его тенденціозность. Пріемы критики, какъ это обнаружилъ г. Вересаевъ въ своемъ простомъ отвѣтѣ разсвирѣпѣвшимъ „коллегамъ“ были таковы, что не могли, конечно, никого ни въ чемъ убѣдить. И въ то время, какъ врачи, въ спеціальныхъ брошюрахъ, въ ученыхъ собраніяхъ, бросали громъ и молніи въ имѣвшаго несчастье навлечь на себя ихъ гнѣвъ г. Вересаева, повседневная общая печать, являясь отраженіемъ общества, горячо привѣтствовала г. Вересаева за его искреннія признанія, за его гуманныя чувства и его сердечное отношеніе къ страждущему человѣчеству. Въ газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ появилось по этому поводу множество статей и серьезныхъ, и юмористическихъ, и сатирическихъ. Тамъ и сямъ мелькали карикатуры на врачей, эпиграммы и т. д. и т. д. Г. Вересаевъ былъ героемъ дня и даже еще въ большей степени, чѣмъ раньше. Шумъ около его имени былъ неизмѣримо большій, но, повторяю, характеръ этого шума былъ также нѣсколько иной. Причины, вызвавшія его были менѣе глубоки и, потому-то, несмотря на большую порожденную этимъ эпизодомъ литературу эта вспышка общественнаго вни-

манія къ г. Вересаеву займетъ въ его литературномъ формулярѣ сравнительно второстепенное и незначительное мѣсто. Гораздо интереснѣе первая популярность писателя, гораздо важнѣе даже временное пребываніе его въ забвеніи. Вѣдь было время, когда книжки г. Вересаева являлись такой же неотъемлемой принадлежностью студенческаго стола, какъ книжка Маркса, какъ ранѣе, въ довольно далекое время, книжка „Русской Мысли“, а еще въ болѣе отдаленныя времена человѣческій черепъ. Художники, запечатлѣвшіе на своихъ холстахъ обстановку студенческой жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ должны были бы въ картинахъ студенчества 90-хъ годовъ убрать черепъ и „Русскую Мысль“, замѣнивъ ихъ томиками Горькаго и Вересаева. На первый взглядъ можетъ показаться даже страннымъ одновременный успѣхъ этихъ двухъ, такъ мало похожихъ другъ на друга по своему настроенію и таланту, писателей именно среди молодежи. Но, конечно, причины эти существовали и онѣ-то именно представляютъ собой несомнѣнный интересъ не только для характеристики самого писателя, но также и для характеристики тѣхъ новыхъ теченій, которыя ярко обнаружились въ 80-е и особенно 90-е годы.

Самъ г. Вересаевъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ разсказовъ „На эстрадѣ“, ста-

вить себѣ и другимъ вопросъ о причинахъ этого восторженнаго отношенія къ нему молодежи.

— Мнѣ,—спрашиваетъ отъ его лица литераторъ Осокинъ, герой разсказа, толпу аплодировавшихъ ему слушателей,—хотѣлось бы выяснить, чѣмъ именно заслужилъ я тѣ восторги и оваціи, которыми вы такъ щедро осыпали меня... Идетъ великая рать бойцовъ, на великое освободительное дѣло. Я — рядовой этой рати, ну, можетъ быть, одинъ изъ ея барабанщиковъ, что ли? Но развѣ такія почести выпадаютъ на долю простыхъ барабанщиковъ? Нѣтъ, дѣло тутъ въ въ чемъ-то другомъ.

Разбирая затѣмъ цѣлый рядъ объясненій устроенной ему оваціи, Осокинъ, къ сожалѣнію, однако, не разрѣшаетъ этого вопроса по отношенію къ самому г. Вересаеву. Онъ его сразу же вводитъ въ сферу давнишняго спора объ отношеніи искусства къ дѣйствительности и заканчиваетъ для писателя довольно пессимистическимъ выводомъ. Писатель, по теоріи Осокина, это буферъ, который помогаетъ читателю легко и даже пріятно переживать душевныя катастрофы, успокаиваетъ его душевныя муки и въ результатѣ даетъ впечатлѣніе нѣкоторой сытости и довольства даже въ моменты, когда „тамъ внизу дико бурлитъ и грохочетъ громадная жизнь“. Этимъ своимъ качествомъ онъ и милъ читателю.

Я не буду, конечно, касаться здѣсь этого общаго вопроса, но не могу не замѣтить, что по отношенію къ произведеніямъ самого г. Вересаева такой взглядъ не примѣнимъ и совершенно не объясняетъ горячаго вниманія къ его произведеніямъ. Г. Вересаевъ—не буферъ, а именно барабанщикъ, забившій тревогу въ такой моментъ, когда весьма многіе утратили возможность что бы то ни было понимать въ окружавшей ихъ жизни, а другіе, менѣе многочисленные, безцѣльно мечутся, въ темнотѣ, въ поискахъ настоящей практической дороги, знамени, изнываютъ отъ окружающей ихъ жизненной безсмыслицы.

Сынъ дряблыхъ восьмидесятыхъ годовъ, отмѣченныхъ сѣрыми тонами, неопредѣленными настроеніями, полнымъ отсутствіемъ не только пониманія жизни, но даже стремленія что нибудь понять, какой-то жизнебоязнью и растерянностью, г. Вересаевъ сыгралъ роль барабанщика уже потому, что выступилъ съ живой искренней исповѣдью, не скрылъ своихъ сомнѣній и колебаній какъ по поводу подернувшей общественную жизнь этого времени плѣсени, такъ и по поводу слегка колебавшихъ эту плѣсень новыхъ теченій и исканій. Въ этомъ искреннемъ и правдивомъ трактованіи современныхъ намъ проклятыхъ вопросовъ заключается главнѣйшій секретъ того явленія, что на разсказы г. Вересаева

набрасывалась молодежь, набрасывались люди, жившіе въ эпоху общественныхъ сумерекъ. Въ то время какъ другіе писатели или продолжали довольно равнодушно фотографировать жизнь, или же подобно Чехову, рисовать безотрадныя проникнутыя ужаснымъ трагическимъ равнодушіемъ картины современнаго общества, г. Вересаевъ попробовалъ расшевелить эту плѣсень, коснуться людей, которые также какъ и онъ мучатся, но еще не махнули рукой окончательно на все и вся, попробовалъ сказать правдивое, горькое, но облитое искреннимъ сочувствіемъ слово своимъ падающимъ духомъ современникамъ. Его искренняя любовь къ этимъ блуждающимъ въ потемкахъ настолько велика, ею до такой очевидности пропитана каждая его строка, что читатель въ большинствѣ случаевъ даже не замѣчаетъ однообразія его разсказовъ, не замѣчаетъ его длинныхъ діалоговъ, напоминающихъ собою иной разъ протокольные отчеты о засѣданіяхъ вольно-экономическаго общества, и всецѣло отдается обаянію, этой мятущейся, страстно ищущей дороги и скорбящей по поводу современнаго бездорожья, души автора. Въ сущности, всѣ произведенія г. Вересаева—его исповѣдь, все, что онъ говоритъ выстрадано имъ самимъ, выстрадано глубоко и сильно и потому-то за каждымъ его словомъ слышатся настоящія слезы и нервы.

Чтобы не быть голословнымъ приведу въ самыхъ общихъ чертахъ его біографію.

II.

Настоящая фамилія г. Вересаева — Смидовичъ, Викентій Викентіевичъ. Родился онъ въ Тулѣ 4 января 1867 года. Отецъ его—полякъ, мать — русская. Какъ врачъ и общественный дѣятель отецъ г. Вересаева пользовался въ Тулѣ весьма широкой популярностью *). Это былъ очень широко и разносторонне образованный человѣкъ, особенно въ области естественныхъ наукъ, исторіи, философіи и богословія. Единственная область, къ которой онъ оставался совершенно равнодушнымъ, была литература и вообще искусство. Онъ, напримѣръ, серьезнѣйшимъ образомъ ставилъ историческіе романы Шардина выше „Войны и Мира". Многочисленная семья, къ которой принадлежалъ г. Вересаевъ, была на рѣдкость „удачная". Въ ней царствовали полный миръ и согласіе. Отношеніе къ дѣтямъ было очень любовное и хорошее. Дѣти воспитывались въ строго-религіозномъ православномъ духѣ, постились сплошь всѣ посты, и каждую среду и пят-

*) „Врачъ", 1894 г., №№ 47 и 48.

ницу. Благодаря замкнутому образу жизни, дѣти здѣсь были главнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивались вниманіе и любовь родителей. Словомъ, семья, въ которой онъ выросъ, представляла собой одно изъ тѣхъ хорошихъ, теплыхъ и кромѣ того интелигентныхъ семейныхъ гнѣздъ, которыя кладутъ хорошіе свѣтлые тона на всю дальнѣйшую жизнь выросшихъ въ нихъ дѣтей.

Первоначальное образованіе г. Вересаевъ получилъ въ тульской гимназіи. Окончивъ ее въ 1884 году, онъ въ томъ же году поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ. Факультетскими науками, однако, по собственному признанію, г. Вересаевъ занимался мало, брался за нихъ лишь за мѣсяцъ до экзаменовъ, шелъ на экзаменъ, подчасъ не зная экзаменатора даже въ лицо. Но зато, съ другой стороны, участвовалъ въ разнообразнѣйшихъ студенческихъ кружкахъ, лихорадочно жилъ въ напряженной атмосферѣ самыхъ острыхъ общественныхъ, экономическихъ и этическихъ вопросовъ. Очевидно, филологія, которую онъ вздумалъ изучать, слѣдуя инстинктивному влеченію своему къ литературѣ и наукамъ гуманитарнымъ, не давала ему удовлетворенія. Получивъ въ 1888 году дипломъ кандидата историческихъ наукъ, г. Вересавъ не счелъ возможнымъ положить его въ основу

своей практической дѣятельности и на слѣдующій же годъ поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Въ тихомъ Дерптѣ, гдѣ онъ провелъ на медицинскомъ факультетѣ шесть лѣтъ, г. Вересаевъ совершенно устранился отъ жизни и весь ушелъ въ науку, усердно посѣщая всѣ лекціи, клиники и практическія занятія. Въ 1892 году, онъ студентомъ-медикомъ ѣздилъ „на холеру“ въ Екатеринославскую губернію и тамъ, на каменноугольномъ рудникѣ, недалеко отъ Юзовки, завѣдывалъ самостоятельно баракомъ.

Припомните, въ общихъ чертахъ, всѣ разсказы г. Вересаева и вы увидите, какъ прямо отражаютъ они личную жизнь автора. Дѣйствующія лица (какъ напримѣръ, Наташа въ разсказѣ „Безъ дороги“) фигурируютъ подъ тѣми же именами въ цѣломъ рядѣ разсказовъ и даже въ такомъ несомнѣнно автобіографическомъ произведеніи, какъ „Записки врача“. Гдѣ-то даже указывается Стародворянская улица, въ Тулѣ, на которой живетъ авторъ, и описывается сама Тула. Въ „Запискахъ врача“ г. Вересаевъ говоритъ уже прямо отъ своего лица, не прибѣгая къ помощи обычнаго въ такихъ случаяхъ наперсника, причемъ приводитъ не только свои принципіальныя мнѣнія, но и цѣлый рядъ фактовъ изъ своей собственной жизни.

Несомнѣнно, съ точки зрѣнія художественнаго критика, такая автобіографичность не можетъ быть поставлена автору въ особенную заслугу, но на читателя, обыкновеннаго читателя, докапывающагося до души автора, она безспорно производитъ сильное впечатлѣніе. Ознакомившись съ его произведеніями, читатель сразу же составляетъ себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о г. Вересаевѣ, какъ писателѣ искреннемъ, какъ о человѣкѣ ищущемъ и откровенно высказывающемъ свои сомнѣнія по поводу развертывающихся передъ нимъ путей и дорогъ.

III.

Вересаевъ пропагаторъ марксизма и ярый адептъ этого теченія русской жизни. Едва ли я ошибусь, если выскажу предположеніе, что марксисты первые воздвигли тотъ весьма внушительный пьедесталъ, на который были положе̇ны уже первые разсказы г. Вересаева. Дѣйствительно, въ этихъ разсказахъ марксисты могли найти и находили чрезвычайно цѣнный матеріалъ для подтвержденія своей теоріи. Злобясь на деревню, на крестьянъ, тормозившихъ успѣхи капитализма, марксисты радовались всему, что такъ или иначе свидѣтельствовало о разложеніи деревни. „Чѣмъ хуже,

говорили они тѣмъ лучше“. Въ словахъ этихъ, конечно, не было жестокаго равнодушія, въ которомъ ихъ упрекали,—это была злоба противъ людей, которые не понимаютъ своей пользы, которые и сами не идутъ впередъ и другимъ мѣшаютъ. Всякая вѣсть о томъ, что этотъ архаическій пережитокъ разрушается не могла не радовать марксистовъ. А г. Вересаевъ докладывалъ имъ, что положеніе вещей въ деревнѣ съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже. Чуть не въ каждомъ его разсказѣ слышится голосъ, увѣренно говорящій, что „въ Рассеѣ матушкѣ мужику приходитъ конецъ, не надобенъ онъ никому сталъ“. Деревенская бѣднота рисуется самыми мрачными красками. Въ одинъ голосъ всѣ собесѣдники, съ которыми вступаетъ въ разговоръ г. Вересаевъ, говорятъ о томъ, что больше жить въ деревнѣ нельзя.

— „Чѣмъ, жить будешь въ деревнѣ, спрашиваетъ одинъ изъ нихъ? Вѣдь въ нынѣшнее время не кормитъ она, деревня. Надѣлы у насъ маленькіе; лѣтомъ отработался, а зимою заколачивай избу, да иди, куда хочешь работы искать... Безъ подателей не проживешь: сыновья подаютъ со стороны. Вы извольте сами разсудить: съ чего жить? Сѣна — дай Богъ, чтобъ на свою скотину хватило, овесъ— двѣ четверти съ двумя мѣрами отдай въ общественную магазею, хлѣба—хорошо какъ до

Филиппова дня самимъ хватитъ... А подати, а одѣться? Керосинъ, спички, чай, сахаръ, мелочь всякая? Какъ крѣпко не живи, а безъ нихъ не обойдешься. Вотъ и разсудите, какъ же тутъ прожить?" (Разск. т. II, 90—91).

Если вѣрить этимъ собесѣдникамъ, то всегда внушавшія людямъ ужасъ бѣдствія, вродѣ войны и разнаго рода эпидеміи, для теперешней деревни стали предметомъ мечтаній.

— Прежде, говоритъ случайный спутникъ Вересаева, лучше было. Жили смирно, Бога помнили, и Господь-Батюшка заботился о людяхъ, назначалъ всему мѣру. Мѣра была, порядокъ! Война объявится, а либо голодъ,— и почиститъ народъ, глядишь,—другимъ жить слободнѣе стало; бабушки (оспа) придутъ,— что народу поклюютъ! Знай, домовины готовь! Сокращалъ Господь человѣка, жалѣлъ народъ. А таперича нѣту этого. Ни войны не слыхать, вездѣ тихо. Фершалихъ наставили *).

Эта жажда земли, которая дѣйствительно съ каждымъ годомъ дробится до невѣроятныхъ размѣровъ, — площадь то вѣдь одна и

*) Въ день объявленія японской войны мнѣ буквально тоже самое говорилъ извощикъ. „Слава Богу, откровенно заявилъ онъ, можетъ хоть немного посвободнѣе станетъ. А то прямо житья нѣтъ".

таже, а населеніе растетъ,—у многихъ вересаевскихъ крестьянъ вызываетъ даже чисто мальтузіанскія стремленія.

— „По нашему дѣлу, говоритъ одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ мальтузіанцевъ, столько ребятъ не надобно. Если чей Богъ хорошій, то начнетъ прибирать къ себѣ,—значитъ сокращать семейство. Слыхалъ какъ говорится? Дай, Господи, скотинку съ приплодцемъ, а дѣтокъ съ приморцемъ. Вотъ какъ говорится у насъ.... Тяжкое дѣло, тяжкое дѣло! А я только тутъ домекаюсь, что бабамъ бы тутъ порадѣть нужно, вотъ кому. Сходи къ дохтуру, поклонись въ ножки, — они учены, знаютъ дѣло. Поклонишься, дадутъ тебѣ капель. Вѣдь за это не то, что яичекъ,—гуся не пожалѣешь.

Вересаевъ слушаетъ всѣ эти жалобы, подаетъ небольшія реплики, и нигдѣ не утѣшаетъ этихъ отчаявающихся землеробовъ. Никто изъ его героевъ не разъяснитъ этимъ будто-бы вымирающимъ крестьянамъ, что не все же надѣяться на количество земли, что возможны иныя системы хозяйства, при которыхъ малоземелье не такъ ужъ будетъ страшно и т. д. и т. д. Мало того, Вересаевъ, съ явнымъ скептицизмомъ, приводитъ болѣе отрадные разговоры крестьянъ-оптимистовъ, которые еще не извѣрились въ деревню и которые дѣлились съ нимъ радостными меч-

тами о томъ, какъ они, прикопивъ денегъ на фабрикѣ, прикупятъ себѣ земли и начнутъ хозяйничать.

Разбираясь въ этихъ мечтахъ Вересаевъ видитъ въ нихъ одно эгоистическое желаніе быть счастливымъ „въ одиночку“, одну сплошную радость по поводу собственнаго благополучія и полное равнодушіе даже вражду къ ближнему, если только этотъ послѣдній сколько нибудь коснется интересовъ мечтателя. „На всѣ эти личныя радости, говоритъ Вересаевъ, не могло чужое сердце забиться въ отвѣтъ съ такою же радостью“.

Все это, конечно, давало основаніе марксистамъ наклеить на сочиненія Вересаева свой ярлыкъ и всячески пѣть „славу“ молодому писателю. Но, несомнѣнно, они ошиблись. Вересаевъ—неправовѣрный марксистъ и хорошо изложивъ ихъ ученіе, приведя множество полезныхъ для нихъ наблюденій, въ корнѣ расходясь съ народниками, онъ въ тоже время не могъ назвать себя и послѣдователемъ Маркса. Для этого достаточно внимательнѣе приглядѣться къ его мужичкамъ. Какъ ни тяжела жизнь въ деревнѣ, какія мрачныя перспективы ни рисуются ея противниками, но всѣ крестьяне все-же видятъ въ ней землю обѣтованную и томятся земельной жаждой. Фабрика, милая сердцу марксистовъ, въ изображеніи г. Вересаева рисуется не менѣе мрачными красками

чѣмъ деревня. Заводъ и условія жизни фабричнаго люда производятъ на него подавляющее впечатлѣніе. Онъ рисуетъ эту фабричную жизнь такими-же мрачными красками, какъ и жизнь деревни.

Въ разсказѣ „Повѣтріе“ симпатіи автора, хотя и не выраженныя прямо, но, какъ мнѣ представляется, далеко не на сторонѣ марксистовъ. Здѣсь современные отцы и дѣти, устроитель артелей — народникъ и студентъ марксистъ ведутъ „утомительно - безплодный“ по характеристикѣ самого г. Вересаева, споръ на тему о жестокости и неизбѣжной необходимости знаменитаго „историческаго хода вещей“. Оба противника стоятъ на разныхъ путяхъ, оба совершенно расходятся во взглядахъ и конечно не могутъ ни въ чемъ убѣдить другъ друга. Самъ Вересаевъ играетъ въ этомъ спорѣ роль совершенно безпристрастнаго предсѣдателя и, въ своемъ предсѣдательскомъ резюме, не сталъ ни на ту, ни на другую сторону, какъ бы признавая законность обѣихъ точекъ зрѣнія. Помѣшало, мнѣ кажется, доброе сердце автора. Нѣсколько случайныхъ штриховъ, оброненныхъ имъ въ этомъ разсказѣ, однако, показываютъ его отношеніе къ этому, теченію. Прежде всего, заглавіе. Вересаевъ называетъ разсказъ, посвященный его изображенію—„повѣтріемъ“. Онъ заставляетъ марксистку Наташу, неслышавшую какъ передъ

этимъ высказался студентъ Даевъ, убѣжденный марксистъ, о переселеніяхъ, назвать его взгляды взглядами „какого нибудь молодца изъ Страстнаго Бульвара". Быть можетъ даже противъ воли автора, у него вездѣ подчеркивается слишкомъ черствое отношеніе марксистовъ къ живому человѣку, къ живой душѣ, ихъ слишкомъ слѣпое увлеченіе чисто книжной теоріей. Приводя несомнѣнные результаты живой дѣятельности народниковъ, Вересаевъ все время съ недовѣріемъ задаетъ себѣ вопросъ, что то сдѣлаютъ и даже сдѣлаютъ-ли что нибудь марксисты, не пройдетъ-ли безъ всякихъ результатовъ это повѣтріе? Здѣсь повторяется то же, что мы можемъ наблюдать въ „Запискахъ врача". Вересаевъ, какъ докторъ, принимаетъ медицинскую науку, признаетъ необходимость жестокихъ операцій, неизбѣжность жертвъ, но какъ человѣкъ онъ возстаетъ, протестуетъ противъ всего этого, не скрываетъ своихъ страданій. Марксистъ въ теоріи, онъ искренно страдаетъ, какъ только эту теорію нужно привести въ исполненіе со всей ея прямолинейностью на практикѣ. О „практическомъ" дѣйствующемъ марксизмѣ впрочемъ по разсказамъ г. Вересаева судить трудно. Здѣсь больше говорится о марксизмѣ, какъ извѣстнаго рода „знамени".

Вересаевъ не разъ, долго и подробно, оста-

навливается на этомъ „повѣтріи“, за которое ухватилось множество людей, оставшихся „безъ дороги“ и искавшихъ знамени, подъ которое они могли бы стать цѣликомъ. Не разъ г. Вересаевъ даже наглядно показываетъ намъ, какъ и при какихъ условіяхъ становились подъ это знамя, какъ пріобрѣталась эта новая вѣра.

Въ этомъ-же разсказѣ, напримѣръ, фигурируетъ курсистка Наташа въ роли ярой марксистки. Послушайте съ какой убѣжденностью нападаетъ она на стараго убѣжденнаго народника бѣднаго устроителя артелей, какъ она выбиваетъ его изъ позиціи и какъ вѣритъ въ торжество „историческаго хода“. А вѣдь до этого, всего лишь четыре года тому назадъ, какъ удостовѣряетъ ея знакомый Сергѣй Андреевичъ, „она съ тоскою ждала отъ него, чтобы онъ далъ ей вѣру въ жизнь и указалъ дорогу, указалъ ей, что теперь всего нужнѣе дѣлать на что отдать свои силы“. Это та же Наташа, которая, въ разсказѣ „Безъ дороги“, такъ мучительно искала, съ такой тревогой закидывала проклятыми вопросами своего двоюроднаго брата, доктора Чеканова. Люди старшіе, люди восьмидесятыхъ годовъ, къ которымъ она обращалась съ этими вопросами, не могли ей дать ровно ничего. Припомните, какъ отвѣчалъ ей докторъ Чекановъ.

— Ты, сказалъ онъ Наташѣ, хочешь идеи

которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобы я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: „вотъ тебѣ знамя,— борись и умирай за него“. Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что съ тобою: *я не знаю*,—въ этомъ вся мука“.

Мало того, докторъ Чекановъ здѣсь-же потропился увѣрить Наташу что онъ не одинъ такой, что все теперешнее поколѣніе переживаетъ тоже самое, что и у него *ничего* нѣтъ. „Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, говорилъ Чекановъ, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Безвременье придавило всѣхъ, и *напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ подъ его власти*“...

Объ этомъ „безвременьи“ Вересаевъ говоритъ на каждомъ шагу, говоритъ съ болью, и картина, рисуемая имъ, производитъ дѣйствительно удручающее впечатлѣніе. Возьмемъ напримѣръ, его разсказъ „Товарищи“, написанный на эту тему. Товарищи—все люди, имѣвшіе когда то высокіе идеалы. По выходѣ изъ университета они превратились въ чиновниковъ, забрались въ глушь, и вотъ теперь собираются вмѣстѣ, говорятъ о пустякахъ, пьютъ пиво, и даже боятся вспомнить о томъ, что когда то у нихъ были свои убѣжденія, были идеалы. Всѣмъ имъ до боли жалко свѣтлаго прошлаго, но высказать это чувство никто изъ нихъ не

рѣшается... „Всѣ“, поясняетъ г. Вересаевъ, были несчастны,—да, но никто изъ нихъ не уважалъ своего горя, да и не стоило оно уваженія... Горе ихъ—горе дряблое, бездѣятельное ему нѣтъ оправданія:.. „стыдиться его нужно, а не нести въ люди“. Еще прямѣе высказывается докторъ въ разсказѣ „Безъ дороги“. „Она, думаетъ онъ о подругѣ своего дѣтства Наташѣ, хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектантству, считаю-ли возможнымъ развитіе капитализма въ Россіи. И въ разспросахъ ея сказывается непремѣнно предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересо ваться всѣмъ этимъ. Что-же? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь; однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ говорится что нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить о немъ, но пусть для меня, какъ и для моего собесѣдника, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, въ родѣ вопроса о правильности теоріи фагоцита или вѣрности гипотезы Альтмана“. Слова „долгъ народа“ и „дѣло“, „идея“, рѣжутъ ему ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ. А почему? Да просто потому, что докторъ этотъ ничему не вѣритъ потому что, какъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, все его „внутреннее содержаніе—лишь

красивыя слова, не болѣе того. Онъ боится заглянуть внутрь себя, боится, такъ какъ знаетъ, что за душой у него „ничего нѣтъ".

„Къ чему, говоритъ онъ мнѣ, мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно уже давно мертво. Это не любимая женщина, съ которой я живу одной жизнью, а лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ. Однако, обмануть себя я не въ состояніи"...

Человѣкъ съ сильной глубокой вѣрой во чтобы то ни было, но съ вѣрой дѣйствительной, не напускной, является для героевъ г. Вересаева постояннымъ предметомъ зависти, вызываетъ въ нихъ чувство искренняго уваженія. Они завидуютъ толстовцу, несмотря на всѣ вполнѣ понятныя имъ несообразности этого ученія, завидуютъ простому мастеровому, который увѣровалъ въ возможность спасенія чуть-ли не всего человѣчества при помощи изобрѣтенной имъ вентиляціи, завидуютъ даже простой наивной богомолкѣ, возвратившейся изъ Іерусалима. „Изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, она, поясняетъ alter ego г. Вересаева— вынесла въ душѣ своей нѣчто новое, безконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ".

Юная, горячо искавшая Наташа, пришла въ ужасъ отъ трупнаго запаха, которымъ пахнуло на нее изъ этой страны живыхъ мертвецовъ, не повѣрила ихъ безотрадной проповѣди и пошла искать дальше. На пути ей встрѣтился воскрешенный такими-же искателями какъ она марксизмъ, и она горячо ухватилась за эту теорію. Въ ней увидѣла она то знамя, котораго не могли ей дать старшіе. Когда говорятъ съ одной стороны въ отчаяньи „не знаю,“ а съ другой убѣжденно указываютъ выходъ—трудно особенно долго задумываться надъ выборомъ. Наташа хватается за этотъ исходъ, и быстро проникается новой вѣрой, какъ проникла сь ей въ свое время большая и наилучшая часть молодежи того времени, охваченная повѣтріемъ. Жестокіе выводы, къ которымъ неизбѣжно приводилъ марксизмъ, мало смутили Наташу и представляемую ею хорошую, по существу своему добрую молодежь. На ихъ глазахъ, новая теорія получила рядъ блестящихъ практическихъ подтвержденій въ современномъ рабочемъ движеніи (разсказъ относится къ 1896 г.). Марксисты трубили побѣду. Противорѣчія замазывались, ихъ боялись касаться даже тѣ, кто ихъ замѣчалъ, такъ какъ боялись, что раскрывъ ихъ, придется выбросить и это единственное, съ такимъ трудомъ найденное, знамя.

Но, увы долго блуждать съ закрытыми глазами было трудно. Сами главари марксизма, услужливо предложившіе это знамя искавшей его молодежи, не могли не признать, что въ немъ есть нѣкоторыя прорѣхи. Выступилъ съ критикой марксизма Бернштейнъ, среди самихъ марксистовъ начались споры и произошелъ расколъ, послѣ котораго многіе изъ приверженцевъ марксизма отъ него отшатнулись. На дняхъ одинъ изъ главныхъ пророковъ этого ученія въ Россіи С. Булгаковъ издалъ книгу своихъ статей, въ которой объясняетъ какъ и почему перешелъ онъ отъ марксизма къ идеализму. За нимъ, конечно, потянулись и другіе. Путь очень любопытный, но, мало еще обслѣдованный, и здѣсь я не буду пока подробно останавливаться на его выясненіи, но не могу не привести весьма характернаго признанія, сдѣланнаго авторомъ этой книжки.

„Въ качествѣ теоретика, говоритъ г. Булгаковъ, я стремился вѣрою и правдою служить марксизму, стараясь, насколько хватало моего умѣнья, отражать нападенія на него и укрѣплять незащищенныя мѣста, и этой задачѣ посвящены были—прямо или косвенно,—рѣшительно всѣ мои работы. Но, совершенно помимо моей воли, и даже вопреки ей выходило такъ, что стараясь оправдать и утвердить свою вѣру, я непрерывно ее подрывалъ и послѣ каждой подобной попытки чувство-

валъ себя не укрѣпившимся въ своемъ марксизмѣ, а только еще болѣе пошатнувшимся. Такимъ то образомъ, стремясь быть защитникомъ ортодоксальнаго марксизма, я становился его критикомъ".

Чѣмъ глубже вдумывался г. Булгаковъ въ марксизмъ, тѣмъ больше убѣждался, что „экономическая доктрина Маркса не покрываетъ исторической дѣйствительности, которая, по своей сложности, не укладывается въ какую либо простую схему"...

Одна изъ героинь г. Вересаева (Варенька въ повѣсти „На поворотѣ"), правда уже покинувъ ряды марксистовъ, прямо называетъ марксизмъ „книжной теоріей".

Съ марксизмомъ, словомъ, случилось то же, что съ голымъ королемъ въ Андерсеновской сказкѣ. Достаточно было мальчишкѣ закричать, что король голъ, и у всѣхъ какъ-бы открылись глаза, всѣ это сейчасъ-же признали. Міросозерцаніе, многихъ успокоившее, оказалось повѣтріемъ, началась погоня за новымъ знаменемъ, за новымъ дѣломъ, которое захватило-бы цѣликомъ всѣхъ.

IV.

Знамя это нашлось у проповѣдниковъ идеализма, остававшихся до этого времени нѣсколько въ тѣни.

На сцену извлекаются Владиміръ Соловьевъ, Достоевскій, начинаетъ гораздо вѣрнѣе истолковываться Ницше. Идеализмъ, за который такъ одиноко и, къ сожалѣнію, нѣсколько своеобразно, въ свое время ратовалъ А. Волынскій въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, теперь становится чуть-ли не господствующимъ ученіемъ. Сборникъ „Проблемы идеализма“, составленный изъ спеціальныхъ, написанныхъ подчасъ довольно туманнымъ языкомъ статей въ теченіе года расходится безъ остатка.

Недавно напримѣръ, мнѣ случилось провести около часа времени въ одномъ нашемъ окраинномъ книжномъ магазинѣ. Входитъ студентъ, гражданскій архитекторъ, и тутъ разыгрывается слѣдующій діалогъ.

— Дайте мнѣ „Проблемы идеализма“.

— Эта книга, отвѣчаетъ приказчикъ, распродана.

— Да вѣдь она вышла всего мѣсяца три четыре тому назадъ?

— Что подѣлаете—распродана.

— Въ такомъ случаѣ будьте добры, хоть подержанную, а достаньте, почти молитъ студентъ.

Вотъ вамъ фактъ. Студентъ, по спеціальности архитекторъ, разыскиваетъ „Проблемы идеализма“ и, какъ сообщилъ мнѣ завѣдывающій магазиномъ, онъ далеко не единственный искатель этой книги. Заходили за ней и

технологи и путейцы... Въ сущности спеціально философская, написанная тяжелымъ языкомъ книга, однако, представляется той „безпокойной книгой“, которой ищутъ, въ которой хотятъ что-то найти такъ-же, какъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ искали откровеній въ неменѣе тяжелыхъ трудахъ Маркса. Я особенно подчеркиваю этотъ интересъ къ старому идеализму у молодежи потому, что онъ представляется мнѣ фактомъ весьма важнымъ именно для характеристики новѣйшихъ нашихъ исканій и настроеній.

Въ настоящую мою задачу не входитъ характеристика этого возродившагося идеализма, имѣющаго къ тому-же довольно много развѣтвленій. Есть идеализмъ „московскій“, идеализмъ „петербургскій“, идеализмъ гг. Волынскаго, Мережковскаго, Бердяева, Розанова и и др., и выясненіе всѣхъ этихъ теченій потребовало-бы особой спеціальной работы, которая значительно отвлекла бы меня отъ прямой моей задачи. Для уясненія, однако, нѣкоторыхъ страницъ Вересаева я считаю необходимымъ въ самыхъ общихъ чертахъ привести главнѣйшіе изъ принциповъ, которые ставятъ современные идеалисты.

На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ у нихъ идея личности, единственнаго носителя нравственнаго закона. „Нравственность, говоритъ г. Бердяевъ, наиболѣе полно излагающій уче-

ніе идеалистическое,—есть безусловное признаніе въ каждомъ человѣкѣ его духовнаго „я“ и безусловное уваженіе къ его правамъ. Это есть то, что на обыкновенномъ языкѣ называется гуманностью: быть гуманнымъ, значитъ признавать и уважать въ каждомъ человѣкѣ брата по духу, считать его природу такой-же самоцѣлью, какъ и свою собственную и способствовать ея развитію на почвѣ общечеловѣческой духовной культуры“...

Изъ такой постановки вопроса видно, что нравственная проблема есть прежде всего проблема индивидуалистическая, и дѣлается проблемой соціальной лишь въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ. Человѣкъ имѣетъ абсолютную цѣнность, потому что онъ вѣчный духъ, и люди равноцѣнны, потому что у нихъ одна и таже духовная субстанція. Духовная субстанція имѣетъ абсолютныя, неотъемлемыя права, которыхъ нельзя разцѣнивать, выше ея ничего нѣтъ кромѣ ея же наивысшаго развитія. Нравственно цѣнное въ человѣкѣ опредѣляется не одобреніемъ или осужденіемъ другихъ людей, не пользой общества, не внѣшнимъ ему міромъ, а согласіемъ съ собственной внутренней нравственной природой, отношеніемъ къ собственному Богу. Давно уже пора уничтожить этическую фикцію „ты“, „другихъ“, которыя только мѣшаютъ правильной постановкѣ и рѣшенію этической про-

блемы... Высшее нравственное сознаніе требуетъ, чтобы каждый человѣкъ относился къ каждому человѣку не какъ къ „ты“, изъ состраданія къ которому онъ долженъ жертвовать своимъ „я“, или жертвовать, приспособляясь къ требованію „другихъ“, а какъ къ „я“, къ такой-же цѣли въ самой себѣ, какъ и онъ самъ. Вѣчная человѣчность требуетъ равенства отношеній, котораго нѣтъ еще въ плоскомъ „альтруизмѣ“. Не всякое, однако, утвержденіе и развитіе собственной личности ведетъ къ совершенству, къ идеальному духовному состоянію. Идея нравственнаго развитія не мыслима безъ верховной цѣли. Идея осуществленія „я“ путемъ достиженія идеальнаго духовнаго состоянія упирается въ вѣчность и безконечность. Человѣческая личность, своеобразная и индивидуальная, въ своемъ стремленіи къ совершенству всегда тяготѣетъ къ одной и той-же точкѣ, къ Верховному Благу, въ которомъ соединяются всѣ цѣнности. Безконечная сила и могущество, безконечное познаніе, вѣчная красота и гармонія—все это входитъ въ осуществленіе и развитіе „я“. Послѣдній этапъ на этомъ длинномъ пути, на которомъ эмпирическій міръ есть небольшой кусокъ, мыслится идеалистами, какъ соединеніе индивидуальнаго „я“ съ „я“ универсальнымъ, т. е. по болѣе обычной терминологіи, какъ сліяніе человѣка съ

Божествомъ. Божество при этомъ мыслится, не какъ что-то чуждое и внѣшнее для человѣческаго „я“, чему это „я“ должно подчиниться, а какъ его собственный идеалъ окончательнаго совершенства.

Красивая и грандіозная перспектива! Даже набросанная въ общихъ чертахъ, преимущественно словами г. Бердяева, безъ цѣлаго ряда тонкихъ и дѣлающихъ ее болѣе яркой нюансовъ—она производитъ сильное впечатлѣніе. Передъ нами живо встаетъ человѣкобогъ, котораго искалъ Достоевскій, сверхъ человѣкъ, какимъ онъ рисовался великому художнику Ничше, наконецъ тотъ „лучшій человѣкъ“, изобразить котораго еще недавно, можно сказать, на дняхъ пытался въ своей пьесѣ „На днѣ“ Максимъ Горькій. Какъ ни аскетиченъ въ своей сущности великій идеалъ, который представители новаго теченія ставятъ на своемъ знамени, какъ ни труденъ путь, которымъ можетъ къ нему двигаться обыкновенный смертный человѣкъ, но онъ грандіозенъ по своему замыслу, онъ одушевленъ такой поразительной вѣрой въ человѣческую личность, въ ея силы, что не можетъ не увлекать, не можетъ не заставить идти за нимъ всякаго, кого сколько нибудь искренно волнуютъ такъ называемые „проклятые“ этическіе вопросы. Къ тому же переживаемое нами время оказалось также такого рода фо-

номъ, на которомъ яркость этого образа выиграла еще больше. Главари марксизма, сами бросившіе старое знамя, открыто повернули на новую дорогу, открыто сказали, что повели искавшихъ вслѣдъ за ними дорогу по ложному пути и, не оставаться-же было этимъ искателямъ опять безъ компаса. Правда, не всѣ за ними пошли, не всѣ повѣрили въ гибель теоріи. Весьма многіе остались на старой дорогѣ, вѣря въ ея практическую осуществимость и продолжая энергично работать въ прежнемъ направленіи, но большинство опять очутилось безъ дороги. Яркое знамя пришлось поэтому какъ нельзя болѣе кстати. Здѣсь невольно припоминаются тѣ бурлаки, которыхъ о. Гр. Петровъ встрѣтилъ однажды на одномъ изъ каналовъ близь Петербурга. Они медленно по вязкой глинѣ переставляли ноги и, тяжело переводя дыханіе, напѣвали:

Ты взойди, взойди, солнце красное
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдны-ихъ.

Въ этомъ пѣніи, по удостовѣренію о. Петрова, чуялось, что имъ солнце нужно не для художественныхъ только впечатлѣній, не для вящшей красоты пейзажа, а что это для нихъ физическая потребность. Картинка этихъ бурлаковъ можетъ служить прекраснымъ символомъ нашихъ будничныхъ сумерекъ, того тумана, который окружаетъ насъ. Понятно, ка-

кой энтузіазмъ должно было произвести въ этихъ сумеркахъ появленіе не говоримъ уже солнца краснаго, но даже такой болѣе или менѣе яркой звѣзды, какъ новое идеалистическое знамя.

Однако, показать только знамя, поставить его гдѣ нибудь на неприступной вышинѣ еще мало. Живые, обыкновенные люди не могутъ довольствоваться одними отвлеченными философскими проблемами и теоріями. Имъ нужно указать одновременно и практическій путь, по которому можно добраться до знамени. И носители новаго слова это прекрасно понимаютъ. Ясно даже, что они какъ будто бы боятся соприкосновенія съ пошлой дѣйствительностью, съ практикой жизни. Не могутъ-же они, въ самомъ дѣлѣ, не чувствовать, что уважать чужое „я“ какъ свое собственное, если это „я“ какой нибудь Іудушка—чрезвычайно трудно. Видятъ также они, что для роста этого „я“ нужны особыя условія и что отъ нихъ все таки рано или поздно, а потребуютъ практическихъ указаній. Между сверхъ-опытнымъ идеаломъ и земной дѣйствительностью должна быть установлена непосредственная связь. И вотъ идеалисты пытаются сдѣлать нѣсколько практическихъ указаній... „Прежде всего, говоритъ напримѣръ г. Бердяевъ, для того, чтобы духовная культура, носителемъ которой является личность, могла развернуться въ эмпи-

рической исторіи человѣчества, она нуждается въ матеріальномъ общественномъ базисѣ. Поэтому мы требуемъ экономическаго развитія и привѣтствуемъ болѣе совершенныя формы производства. Затѣмъ, чтобы было гарантировано естественное право личности, внѣшнія отношенія людей должны быть урегулированы и оформлены, т. е. въ государственномъ и правовомъ устройствѣ должны быть осуществлены свобода и равенство, которыя требуются и санкціонируются внутренней нравственной автономіей каждой человѣческой „личности"... Всякая новая форма общественности, новая форма производства съ соотвѣтствующей ей соціальной организаціей должна быть оцѣнена и оправдана, какъ средство осуществленія идеальной цѣли — естественнаго права личности, свободы и равенства, этихъ основныхъ моментовъ реализаціи естественнаго права... Въ конкретной исторической обстановкѣ борьба за „естественное право" человѣка принимаетъ форму борьбы за угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ. Въ современномъ напримѣръ, обществѣ, она получаетъ форму борьбы за права трудящихся массъ. Духъ, который несетъ съ собою идеализмъ есть духъ свободы, духъ свѣта, онъ зоветъ впередъ, къ борьбѣ за право человѣчества безконечно совершенствоваться. Представитель этого идеализма, г. Бердяевъ, глубоко убѣжденъ, что

современная группировка открываетъ широкія перспективы, даетъ условія опираясь на которыя человѣческій духъ можетъ и долженъ создать лучшее болѣе свободное будущее.

Прикладной стороной идеализма занимается также и г. Булгаковъ, много трактующій о ней въ своей книгѣ. „Загадку жизни", резюмируетъ онъ свои соображенія, разрѣшаетъ не тотъ, кто съ высоты „отрѣшеннаго" идеализма холодно озираетъ нашу жизнь, гдѣ высокое перемѣшано съ низкимъ и добро борется со зломъ, и не тотъ кто въ этой борьбѣ забываетъ объ идеальныхъ началахъ, во имя которыхъ эта борьба ведется и безъ которыхъ жизнь превратилась бы въ неосмысленную игру стихій и страстей, а тотъ, кто въ мысли и въ жизни осуществляетъ начала дѣйственнаго идеализма, кто, по слову Вл. Соловьева,

Цѣпь золотую сомкнетъ
И небо съ землей сочетаетъ.

V.

Чуткій къ новымъ теченіямъ въ средѣ молодежи, Вересаевъ, давшій уже рядъ картинокъ предшествующихъ настроеній, не могъ, конечно, не остановиться на этомъ моментѣ. Его большая повѣсть „На поворотѣ" отражаетъ въ себѣ именно этотъ критическій мо-

ментъ въ исканіяхъ дороги молодого поко лѣнія. Какъ и всѣ разсказы Вересаева, и эта повѣсть кишитъ молодежью. Героями являются отцы и дѣти. Правда, между отцами и дѣтьми Вересаева очень небольшая хронологическая разница. Не то что у Тургенева. Старшее поколѣніе старше молодого на какихъ нибудь четыре года. Разница настолько незначительная, что, пожалуй, нельзя даже говорить объ отцахъ и дѣтяхъ. Вѣрнѣе будетъ въ этой борьбѣ видѣть просто борьбу двухъ столкнувшихся на нашихъ глазахъ направленій.

Дѣйствіе происходитъ въ іюлѣ 1900 года, въ каникулы, въ провинціи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Токаревъ, человѣкъ за тридцать лѣтъ, защищающій маленькое хорошее дѣло, повидимому бернштеніанецъ, котораго манитъ спокойный идеализмъ.

Таня, его сестра, ярая марксистка, служитъ въ статистикѣ.

Варвара Васильевна, фельдшерица, бывшая марксистка, нынѣ тяготѣющая къ Бернштейну.

Сергѣй, ея братъ, студентъ, тоже марксистъ, впрочемъ очень напоминающій программу въ стилѣ г. Бердяева.

Балуевъ, изъ крестьянъ, начавшій съ чтенія Рокамболя и кончившій марксизмомъ.

Осьмериковъ, учитель гимназіи, защищающій малую, но добросовѣстную работу, и требующій уваженія къ чужой логикѣ.

Будиновскій и его жена, бывшая курситка—нынѣ буржуазная дама, ушедшая цѣликомъ въ заботы о дѣтяхъ и мужѣ. Послѣдній — либералъ – земецъ, строитъ больницы, школы, играетъ въ карты. Семья Будиновскаго фонъ—всей картины.

Затѣмъ слѣдуютъ студенты, крестьяне, народъ, фабричные и т. д.

Уже по перечню этихъ персонажей можно догадываться о содержаніи тѣхъ коллизій, въ которыхъ они очутятся по отношенію другъ къ другу. Открывается дѣйствіе, какъ и всегда у Вересаева, споромъ. Только что пріѣхавшій въ Томилинскъ къ сестрѣ Такаревъ, попадаетъ въ „колонію" студентовъ, между ними завязывается разговоръ, очень быстро переходящій въ споръ на жгучую злободневную тему о Бернштейнѣ.

— По моему, Бернштейнъ надъ очень многимъ заставляетъ задуматься, — сдержанно произнесъ Токаревъ.

— Господи, Володя! Ну, надъ чѣмъ онъ можетъ заставить задуматься,—изумленно воскликнула Таня.— Вѣдь это просто банкротъ,—успокоившійся, присмирѣвшій и трусливый! И вѣдь до чего онъ гаденько-

труслив: у него даже не хватаетъ мужества прямо отречься отъ прежнихъ „мечтаній"...

— Не вижу у него трусости. Напротивъ, нужно было большое мужество, чтобы выступить съ такой книгою. И ни отъ какихъ мечтаній онъ не отказывается, онъ возстаетъ только противъ трескучихъ фразъ. Вспомни, что сказалъ на съѣздѣ по его адресу Ауэръ: Lieber Ede,„ du bist ein Esel, denn so was sagt man nicht, so was thut man!.." Прелестно!

— Но этого-то вы не будете отрицать, что онъ филистеръ до мозга костей?—спросилъ студентъ Вегнеръ, слегка покраснѣвъ и пощипавъ свою бородку.

— Я этого не отрицаю,—поспѣшно сказалъ Токаревъ.—Но это нисколько не мѣшаетъ быть его книгѣ по существу глубоко вѣрной. Филистерство остается при авторѣ, а въ книгѣ его все-таки больше настоящаго, реалистическаго марксизма, чѣмъ въ правовѣрномъ марксизмѣ.

— Удивительное дѣло! — насмѣшливо улыбнулась Таня.—Ты согласенъ, что онъ насквозь проникнутъ филистерствомъ; какъ же это филистерство можетъ не отражаться на самой сути его построеній? Какъ-будто филистерство—это такъ себѣ, маленькій придатокъ, который не стоитъ ни въ какой связи съ остальнымъ!

— Мнѣ кажется, Таня, вы относитесь къ нему, во всякомъ случаѣ, слишкомъ легко,—заговорила Варвара Васильевна.—По моему, онъ страшно важенъ,—важенъ, какъ симптомъ, и за нимъ должно быть теперь больше силы, чѣмъ за его противниками. Когда ученіе воспринимается тысячами людей, оно можетъ сохраняться во всей своей сильной и непримиримой чистотѣ; когда же оно разливается въ милліонахъ, то по необходимости должно стать болѣе оппортунистичнымъ и „практичнымъ". И Бернштейнъ, по моему, не случайный наростъ, а симптомъ громадной исторической важно-

сти: движеніе становится все болѣе карманнымъ, желающимъ лишь синицы въ руки, и отъ него все больше начинаетъ отлетать идея.

Вегнеръ вдумчиво слушалъ, покручивая свою бородку.

— Варвара Васильевна, это совершенно невѣрно! — рѣшительно сказалъ онъ. — Бернштейнъ, конечно, очень важный симптомъ, но совершенно въ другомъ смыслѣ. Противники видятъ растущую силу врага, видятъ, что прежними мѣрами съ нимъ не справиться,—и вотъ они радикально мѣняютъ свою тактику; единственный остающійся для нихъ выходъ—это попытаться фальсифицировать самую идеологію враговъ. Въ этомъ-то отношеніи очень интересны и Зомбартъ, какъ первая ласточка такой тактики, и Бернштейнъ, какъ ея первая жертва. Но, конечно, и эта тактика разобьется о ходъ вещей, и волкъ никогда не превратится въ добрую собачку, предупредительно помахивающую передъ хозяиномъ хвостикомъ.

— Но господа! Вы совершенно не принимаете въ разсчетъ той страшной силы, которую бернштейнство придаетъ движенію,—возразилъ Токаревъ.—Эта сила—въ его реалистичности, въ полномъ устраненіи того утопизма, противъ котораго марксизмъ боролся, но которымъ все-таки онъ былъ такъ богатъ.

Споръ разгорѣлся жестокій. Въ немъ приняли участіе всѣ присутствующіе, и было столько мнѣній, сколько было спорящихъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови и сжавъ рукою подбородокъ, внимательно вслушивалась въ возраженія, какъ бы стараясь ими провѣрить свои взгляды; Таня спорила рѣзко и насмѣшливо, не брезгуя софизмами и переиначиваніемъ словъ противниковъ; ея большіе глаза съ суровою и негодующею враждою смотрѣли на Токарева и всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь высказывался за Бернштейна.

Начавшійся на первой страницѣ повѣсти споръ этотъ постоянно вспыхиваетъ на всемъ дальнѣйшемъ ея протяженіи и опять таки трудно сказать, какое изъ выдвигаемыхъ въ немъ настроеній торжествуетъ. Собственно говоря, вдумавшись въ не всегда ясныя и точныя формулы міросозерцанія дѣйствующихъ въ повѣсти лицъ, трудно даже сказать, чтобы кто нибудь изъ нихъ имѣлъ опредѣленное міровоззрѣніе, ясно представлялъ себѣ то, чего онъ хочетъ. Беллестристическая форма, конечно, ставитъ автору извѣстныя рамки и заставляетъ ограничиваться намеками.

Наиболѣе подробно разработанъ Вересаевымъ типъ Токарева. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ, на студенческой скамьѣ увлекавшійся разнаго рода прогрессивными ученіями, стремившійся къ всему лучшему, благородному, честному. Онъ ушелъ изъ университета, не кончивъ курса. Жизнь его довольно таки потрепала за прошедшіе съ того времени четыре года и сейчасъ онъ ищетъ мѣста, которое обѣщала ему устроить въ банкѣ его знакомая по Петербургу фельдшерица Варвара Васильевна. Онъ сильно усталъ. Его манитъ тихая, спокойная жизнь, комфортъ, ему хотѣлось бы свить себѣ такое удобное теплое гнѣздышко, какое онъ видѣлъ у Будиновскаго.

„Хорошо бы такъ жить!—думалъ Токаревъ.

Вотъ такая жена,—красивая, бѣлая и изящная, лѣтомъ усадьба съ развѣсистыми липами, бѣлою скатертью на обѣденномъ столѣ и гостями, уѣзжающими въ тарантасахъ въ темноту; зимою—уютный кабинетъ съ латаніями, мягкимъ турецкимъ диваномъ и большимъ письменнымъ столомъ. И чтобъ все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, которое бы захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь и въ то же время не требовало бы слишкомъ большихъ жертвъ"...

Злыя насмѣшки надъ нимъ студента Сергѣя, подчеркивающаго, что онъ становится „взрослымъ" и успокаивается, возмущаютъ Токарева. Ему хочется найти оправданіе своимъ новымъ стремленіямъ въ философской теоріи, дать имъ принципіальную подкладку. Начавъ съ защиты Бернштейна, Токаревъ затѣмъ не разъ доказываетъ, что уступая жизненнымъ требованіямъ человѣку волей не волей приходится съеживаться и становиться въ узкую колею. Его глубоко возмущаетъ установившаяся у насъ въ Россіи дилемма, въ силу которой человѣкъ долженъ быть либо героемъ, либо мерзавцемъ. „Я понимаю, говоритъ Токаревъ, что жить порядочнымъ человѣкомъ не такъ легко, какъ птицѣ пѣть пѣсни, и что тотъ, кто съ собою борется, кто старается не потерять изъ глазъ идеала, заслуживаетъ уваженія, а не презрѣнія. Я даже больше скажу: наша пря-

молинейная требовательность, наша ненависть къ компромиссамъ тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это—спеціально-русская черта, совершенно непонятная европейцу. Лежитъ куча кирпичей. Европеецъ беретъ изъ нея столько, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за нимъ съ презрительной усмѣшкой: „смотрите какой филистеръ,—несетъ всего дюжину кирпичей!“ Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ себѣ на плечи всю кучу; еле идетъ, ноги его подгибаются, и онъ, наконецъ, падаетъ,—надорвавшійся, на смерть раздавленный нечеловѣческою тяжестью. Вотъ это герой!.. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу, и опять-таки, конечно, всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ тяжелою грудою: онъ—не работникъ, онъ—лишній человѣкъ,— и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю. Вѣдь такое отношеніе къ дѣлу мы видимъ у насъ во всемъ. У каждаго надъ головою виситъ альтернатива: „либо герой, либо подлецъ“, середины между этимъ для насъ нѣтъ“.

У Сергѣя эта рѣчь встрѣчаетъ весьма опредѣленное отношеніе.

— Ну теперь мнѣ все совершенно ясно!— говоритъ онъ.—О, да! Удобнѣе всего, конечно, помѣститься въ центрѣ вашей альтерна-

тивы,—дескать, ни герой, ни подлецъ, заполучить тепленькое мѣстечко въ надежномъ учрежденіи и дѣлать „посильное дѣло“, жертвуя старые журналы въ народную библіотеку... Но неужели вы Владиміръ Николаевичъ, не замѣчаете, что вы полный банкротъ?—вдругъ сказалъ онъ, поднявъ на Токарева тяжелый взглядъ.

Токаревъ горячо возражаетъ Сергѣю, доказываетъ ему, что онъ, 20-лѣтній юноша вправѣ будетъ презирать его только тогда когда самъ пройдетъ черезъ горнило усталости, когда удержится на своей позиціи до 40 лѣтъ. Начавъ очень рѣшительно и убѣжденно, Токаревъ, однако, въ концѣ концовъ то тамъ то сямъ дѣлаетъ признанія, свидѣтельствующія о томъ, что ему еще очень далеко до успокоенія. Онъ, напримѣръ, не скрываетъ, что въ немъ исчезаетъ „что то страшно нужное, безъ чего нельзя жить,“ что у него „умерло непосредственное чувство“, что чувства этого „нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими нормами и категоріями“. Успокоительныя мысли о томъ, что онъ „обыкновенный сѣренькій человѣкъ и, въ качествѣ таковаго, все-таки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу“ мало ему помогаютъ. Онъ все время съ ужасомъ наблюдаетъ за собой и не можетъ не видѣть, что

изъ него „выкатывается душа“ и что нѣтъ такихъ силъ, которыя бы могли ее удержать.

Я—говоритъ Токаревъ, обыкновенный, маленькій человѣкъ. Мнѣ судьбою предназначено одно: жить смирно и тихо, никуда не суясь, не имѣя никакихъ серьезныхъ жизненныхъ задачъ,—жить, какъ живутъ всѣ кругомъ: такъ или иначе зарабатывать деньги, клясть трудъ, которымъ я живу, плодить дѣтей и играть по вечерамъ въ винтъ. Но видите ли, въ жизни каждой самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея вырастаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. И человѣкъ идетъ за нихъ на борьбу, на гибель, и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла, не имѣя всезахватывающей жизненной задачи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается; все недавнее становится для него совершенно чуждымъ и мертвымъ. И вотъ я теперь нахожусь какъ разъ въ томъ положеніи. Но суть въ томъ, что это прошлое уже отравило меня: я ужасаюсь той пустоты, въ которую иду, я не могу жить безъ смысла и безъ цѣли, а крыльевъ нѣтъ, которыя подняли бы меня надъ болотомъ...

Слава вѣрѣ, насъ сгубившей,
Слава юности погибшей,
Незапятнанной позоромъ...

— Да, я съ горячимъ, страстнымъ чувствомъ вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ея схоронена, потому что схоронена сама юность, и ея не воскресить...

Такимъ печальнымъ рисуется у Вересаева этотъ представитель идеализма, стоящій на повороте.

Вересаевъ впрочемъ не показываетъ, чѣмъ кончается эта душевная борьба Токарева и что ждетъ его за этимъ поворотомъ. Онъ рѣзко обрываетъ его споръ съ Сергѣемъ, происходившій ночью, въ полѣ. Токаревъ, дошедшій въ этомъ спорѣ до аффекта и чуть было, въ приступѣ отчаянія, не наложившій на себя руку, уходитъ „по колючему жнивью, черезъ межи, въ темноту, не зная куда“... Весьма вѣроятно, что за этимъ поворотомъ начнется погруженіе въ жестокую Нирвану, жизнь чеховскаго человѣка въ футлярѣ, спокойное существованіе чеховскаго доктора Іоныча. Слишкомъ ужъ сильно въ немъ тяготѣніе къ спокойному комфорту, къ хорошей спокойной жизни.

Но, если Токаревъ еще можетъ быть заподозрѣнъ въ нѣкоторой слабости, въ природной склонности къ чисто животному спокойному существованію, то въ этомъ не можетъ быть обвинена фельдшерица Варвара Васильевна. Она, какъ было уже замѣчено выше, раздѣляла взгляды Токарева па Бернштейна, она является такой-же усталой измученной жизнью какъ Токаревъ. Но, на всемъ протяженіи повѣсти у нея ни разу не является даже мысли о личномъ счастьи, о

личномъ отдыхѣ. Она олицетворенная работа, олицетворенное служеніе долгу, служеніе маленькому ближнему человѣку. Въ этомъ служеніи она доходитъ иной разъ до самопожертвованія, до героизма. И тѣмъ не менѣе она не удовлетворена собой. Дѣло, которое она дѣлаетъ, кажется ей чѣмъ-то мелкимъ, и она также какъ и Токаревъ, мучится отъ мысли, что у нея „нѣтъ ничего такого, что дѣйствительно серьезно захватывало бы, во что готова была бы вложить душу". У ней, какъ у Токарева нѣтъ знамени, нѣтъ ясно сознанной цѣли, которая охватила бы ее всю, и отъ этого она приходитъ въ ужасъ.

Маленькое дѣло, которое она дѣлаетъ, дѣло безспорно хорошее но, неосвѣщаемое какой либо общей цѣлью, ее не удовлетворяетъ, и она не будучи способною на компромиссъ— кончаетъ самоубійствомъ.

Такимъ образомъ гибнутъ представители бернштеніанства съ его проповѣдью малыхъ дѣлъ. Одни изъ нихъ, увлекшись посильной хорошей дѣятельностью, пошлѣютъ и умираютъ нравственно, другіе, не находя себѣ удовлетворенія въ хорошихъ дѣлахъ, не объединенныхъ общей идеей, доходятъ до отчаянія и кончаютъ счеты съ жизнью совершенно. Этими живыми мертвецами и трупами Вересаевъ кончаетъ счеты съ теоретическимъ марксизмомъ и вышедшимъ изъ него бернштеніан-

ствомъ, дѣлаетъ изъ нихъ вѣху, за которой должно начаться новое теченіе, представленное у него студентомъ Сергѣемъ и отчасти крестьяниномъ Баулинымъ.

Сергѣй, какъ уже было замѣчено выше,— полумарксистъ, полуидеалистъ. Онъ большой другъ и почитатель марксистки Тани, но по нѣкоторымъ намекамъ можно думать, что передъ нами представитель новаго идеалистическаго теченія, въ стилѣ г. Бердяева, имѣющаго, въ своихъ практическихъ требованіяхъ не мало общаго съ программой марксистовъ. Все время Сергѣй требуетъ, чтобы „для дѣльнаго человѣка дѣло было его жизнью, а не десертомъ къ сытному обѣду,“ чтобы всѣ мелкія дѣла въ концѣ концовъ сводились къ одной общей высокой цѣли. Современные дѣловые люди представляются ему не иначе, какъ „собраніемъ какихъ-то животныхъ, тупыхъ, самодовольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся“. Одинъ изъ главныхъ рычаговъ, при помощи котораго можно было бы достигнуть этой цѣли является, по мнѣнію Сергѣя, эгоизмъ. Споръ его на эту тему съ Токаревымъ не лишенъ интереса.

— Дай намъ Богъ, говоритъ Сергѣй, только одного,—побольше именно эгоизма,—здороваго, сильнаго, жаднаго до жизни. Это гораздо важнѣе, чѣмъ всякаго рода „долгъ“, который человѣкъ взваливаетъ себѣ на плечи;

взвалитъ,—и идетъ, кряхтя и шатаясь. Пускай бы люди начали дѣйствовать изъ себя, свободно и безъ надсада, не ломая и не насилуя своихъ склонностей. Тогда настала бы настоящая жизнь.

— Воображаю, какая бы настала жизнь!—сдержанно усмѣхнулся Токаревъ.

— Хорошая бы жизнь настала! И погибъ бы безвозвратно ея главный врагъ,—скука. Потому что вотъ съ чѣмъ эгоизмъ никогда не захочетъ примириться,—съ скукою!

Токаревъ съ улыбкою поднялъ брови.

— Скука...—протянулъ онъ.—Вы серьезно думаете, что главный врагъ жизни—это, дѣйствительно, скука?

— Безусловно! Скука стоитъ всякихъ лишеній, униженій, длинныхъ рабочихъ дней и тому подобнаго... „Скучно“! Вѣдь отъ этого „скучно“ люди сходятъ съ ума и кончаютъ съ собою, это „скучно“ накладываетъ свою изсушающую печать на цѣлыя историческія эпохи. Вырваться изъ жизненной скуки,—вотъ самая главная задача современности. И суть не въ томъ, чтобъ человѣкъ вырвался изъ этой скуки, а чтобъ люди вырвались изъ нея. А для этого что нужно? Нужно, чтобъ вокругъ ключомъ била живая общественность, чтобъ жизнь цѣликомъ захватывала душу, чтобъ эта жизнь была велика и сильна, полна борьбы и свѣта... Вотъ что нужно, чтобъ ощу-

щалъ человѣкъ, а не необходимость какого-то „долга"... Долгъ! Въ сосѣдствѣ съ долгомъ самъ воздухъ начинаетъ скисаться и пахнуть плѣсенью.

Уже изъ репликъ, которыя дѣлаетъ Сергѣю Токаревъ, можно видѣть, что Вересаевъ не считалъ путь указываемый Сергѣемъ тою дорогой, которой такъ ищетъ современное общество. Какъ бы въ отвѣтъ на его рѣчи объ эгоизмѣ онъ приводитъ непосредственно за его разсужденіями объ эгоизмѣ, и едва-ли случайно, сцену самаго грубаго насилія, разыгравшагося въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, окончившуюся благополучно только благодаря вмѣшательству случайныхъ свидѣтелей ея, отбросившихъ на время пѣснопѣнія эгоизму. Сергѣй приходитъ въ ужасъ когда Токаревъ раскрываетъ ему тайну смерти Варвары Васильевны. Слушая его, вы все время чувствуете, что у него нѣтъ и сотой доли той увѣренности, съ какой говоритъ человѣкъ сильно и вполнѣ убѣжденный. Марксисты въ раннихъ разсказахъ Вересаева никогда не теряются такъ, какъ теряется сплошь и рядомъ, все время нервничающій, Сергѣй, носитель новаго теченія. Правда, въ подкрѣпленіе ему выведенъ авторомъ спокойный и положительный Балуевъ. Онъ тоже за эгоизмъ, однако стоило ему пуститься въ споръ и рѣчи его по удостовѣренію Вересаева,

стали дѣлаться все болѣе книжными и шаблонными, отъ нихъ повѣяло сѣрою скукою и теоретическою „неинтересностью". Любопытны размышленія, на которыя навелъ Балуевъ Сергѣя, а также разговоръ по поводу его увѣренности въ себя.

— Какая гадость! возмущается Сергѣй. Почему онъ такъ гордо несетъ свою голову, живя самъ собою, а я только вздыхаю и поглядываю на него? Въ концѣ концовъ, я самъ по себѣ историческій фактъ. Я—интеллигентъ: что-же такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего я хочу вѣрить въ себя.

— А этой вѣры нѣтъ и не можетъ быть,— грустно возразила Варвара Васильевна.

— Почему это?—вызывающе спросилъ Сергѣй.—Чѣмъ я хуже его? Какая между нами разница?

— Та разница, что ты вотъ и теперь ужъ сталъ паскуднымъ старичишкой,—ворчливо произнесъ Шеметовъ.

Сергѣй хотѣлъ что-то возразить, но нахмурился и замолчалъ. Трудно было ему и возражать. Главное, чего онъ и ему подобные искатели добиваются, это вѣра въ себя, вѣра въ великое значеніе того дѣла, той идеи, которой они служатъ. Нѣтъ этой

вѣры,—и они полные банкроты. А у нихъ именно этой вѣры и нѣтъ. Какъ герои раннихъ разсказовъ Вересаева завидовали вѣрѣ богомолокъ и толстовцевъ, такъ эти новые обанкротившіеся искатели завидуютъ всѣ поголовно Танѣ. Для Токарева ясно, что его сестра, марксистка, стоитъ не на вполнѣ вѣрномъ пути, что она тверда въ своей вѣрѣ только потому,что не замѣчаетъ цѣлаго ряда для всѣхъ другихъ очевидныхъ фактовъ, колеблющихъ ея міросозерцаніе, что она не колеблется исключительно благодаря своей узости и односторонности—и, однако, онъ ей завидуетъ, завидуетъ ея жадной любви къ жизни, ея безстрашію передъ этой жизнью. Самъ Вересаевъ, очевидно, не считаетъ возможнымъ поставить на пьедесталъ этотъ типъ и потому то болѣе чѣмъ блѣдными штрихами очертилъ его.

Токаревъ, по крайней мѣрѣ, совершенно откровенно и рѣзко, предсказываетъ Сергѣю разочарованіе.

„Вы, говоритъ ему Токаревъ, настойчиво проповѣдуете радость жизни и силу духа,— а сами живете въ темномъ мірѣ нервной тоски и безволія; вы утверждаете, что человѣкъ долженъ дѣйствовать изъ себя, что въ такомъ случаѣ онъ откроетъ въ себѣ громадныя богатства души, а все ваше богатство заключается лишь въ поразительной черствости, самоувѣренности и самовлюбленности. Только

покамѣстъ все это скрашивается у васъ молодостью; а пройдетъ молодость,—что отъ васъ останется? Мы съ вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душою, чтобъ расплатиться съ громадными требованіями нашего разума"...

Такимъ образомъ проанализировавъ правда далеко не всѣ, но главнѣйшія новыя этическія теченія въ современномъ обществѣ, Вересаевъ констатируетъ ихъ полное банкротство, показываетъ намъ, что новыя знамена никого не удовлетворили и что мы по прежнему стоимъ безъ дороги. Вдумываясь въ типы этихъ современныхъ искателей пути прямоѣзжаго, невольно вспоминается былина о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси. Сильные, могучіе, они спасаясь отъ наступающей на нихъ грозной силы, съ которой справиться не въ состояніи, бѣгутъ къ горѣ, но и гора— такая-же грозная мертвящая сила. Подбѣгутъ къ ней витязи, и окаменѣютъ. „Такъ,— эпически спокойно заканчиваетъ свое повѣствованіе былина,—и перевелись витязи на святой Руси".

Но что-же это за мертвящая гора? Что это за сила, съ которой такъ трудно справиться, при одномъ приближеніи къ которой выкатывается душа, умираетъ жизнь, застываетъ живая человѣческая кровь? Вересаевъ, вглядываясь въ нее не безъ ужаса, видитъ въ

ней нѣчто стихійное, страшное, которое властно распоряжается живыми людьми, играетъ ими какъ пѣшками.

V.

На этомъ „невидимомъ“ г. Вересаевъ останавливается не разъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, подмѣчаетъ его въ самой различной обстановкѣ, и впечатлѣніе, которое выноситъ читатель отъ этихъ фактовъ, довольно таки жуткое. Въ „Запискахъ врача“ онъ приходитъ въ ужасъ передъ мыслью, до чего человѣкъ не защищенъ отъ случайностей, до какой степени ему не извѣстны причины всего около него происходящаго. Разсказъ „Въ одномъ домѣ“ заключаетъ въ себѣ простую, но ужасную жизненную драму. Здѣсь страдаетъ всю жизнь и затѣмъ вымираетъ безъ остатка цѣлая крестьянская семья только потому, что единственная надежда этой семьи, молодая, симпатичная и хорошая дѣвушка — „испорчена“. Она сама покорно клонитъ голову передъ испортившей ее какой то злой невѣдомой силой, старики-родители считаютъ ее порченой, отъ нея отворачиваются женихи, и она умираетъ обездоленной, уступая волнующимся около нея смутнымъ, загадочнымъ силамъ, цѣпко опутавшимъ всю жизнь безпомощнаго человѣка. А за ней, уступая тому-же „огром-

ному, темному духу“, такой-же разбитый, сходитъ въ могилу и ея осиротѣвшій старикъ отецъ. „Конецъ Андрея Ивановича“, погибшаго въ жизненной борьбѣ и особенно продолженіе этого разсказа, „На честной дорогѣ“ („Міръ Божій“, 1903 г., Декабрь) являются развитіемъ той-же идеи. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея тружениковъ и тружениць переплетнаго цеха. Всѣ они выходятъ на дорогу съ цѣлью добыть кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, съ рѣдкой энергіей борются они за то, чтобы не сойти съ этого пути и тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ сначала становятся снисходительными ко всякаго рода компромиссамъ, а за тѣмъ мало по малу теряютъ взятое сразу направленіе и идутъ туда куда толкаетъ ихъ слѣпая необходимость, то-же „невидимое“, слагающееся изъ множества самыхъ разнообразныхъ элементовъ.

Герои повѣсти „На поворотѣ“ особенно подробно останавливаются на этомъ ужасномъ „невидимомъ“. Энергичная и дѣятельная фельдшерица Варя, незадолго до своей трагической смерти, въ откровенной бесѣдѣ съ Токаревымъ. съ ужасомъ созналась ему, что „чувствуетъ приближеніе и побѣду этого „невидимаго“! Чтобы не покориться ему, она нашла только одно средство—смерть, и, какъ мы видѣли не побоялась это средство осуществить. Токаревъ, пораженный тѣмъ-же

„невидимымъ“, какъ бы поставилъ своею задачей предупредить подобную трагическую развязку какъ для себя лично, такъ и для Сережи. Онъ подробно развиваетъ Сергѣю свою теорію невидимыхъ страшныхъ силъ.

„Въ сущности, говорилъ онъ, я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ Орлà. Я только говорю о мопассановской „глубокой тайнѣ невидимаго“; вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ „Horla“. Согласитесь что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: „Все, что насъ окружаетъ, все, что мы заключаемъ не глядя, все, что задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ не ощупывая,—все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ—быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе“... Развѣ это не страшно и развѣ это не правда?—взволнованно спросилъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоящихъ *внѣ* его,—съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ и сердце... И что теперь ждетъ

человѣка? Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: *„Царство человѣка кончилось*!.. Горе намъ! Горе людямъ! Пришелъ *онъ*... какъ его зовутъ?.. Мнѣ кажется, что онъ выкрикиваетъ свое имя, но я не слышу его... О, да, онъ явился!.. Ястребъ съѣлъ голубку, левъ пожралъ буйвола съ острыми рогами... Всему конецъ!.. Онъ во мнѣ, *онъ становится моею душою*! Что дѣлать? Горе намъ!...“

Такія-же невидимыя стихійныя силы мы встрѣчаемъ у Чехова, („Ивановъ“) у Метерлинка, въ „Призракахъ“ Ибсена, въ разсказахъ Леонида Андреева, создавшаго яркій типъ доктора Керженцова, который замѣтилъ въ себѣ присутствіе сильнаго самостоятельнаго и непобѣдимаго начала...

Токарева приводилъ въ ужасъ этотъ невѣдомый „онъ“, эти грозныя силы, онъ дрожалъ при мысли о нихъ, но сознаніе ихъ наличности давало нравственное оправданіе его пассивности, его нежеланію сражаться и жертвовать собой.

И Сергѣй не безъ жестокости даетъ почувствовать Токареву конечную цѣль его философіи.

— Примиритесь, говоритъ онъ, съ вашимъ „невидимымъ“, полѣзайте назадъ въ болото и благоденствуйте себѣ на здоровье. Вамъ вѣдь ужасно хочется этого рѣшенія. Но меня

оставьте въ покоѣ; будьте увѣрены, что живымъ я въ болото никогда не попаду!

Рѣзкій отвѣтъ Сергѣя, несмотря на всю его кажущуюся убѣжденность, однако, даетъ только лишній и очень яркій штрихъ къ жуткой картинѣ застыванія человѣка, нарисованной Токаревымъ. Трудно даже сказать, что хуже — покончить ли счеты съ жизнью, какъ это сдѣлала Варвара Васильевна или же остаться жить, попасть ли въ болото живымъ или мертвымъ. Выводъ, крайне пессимистичный, но вѣрный. Токаревъ заговорилъ о банкротствѣ новыхъ этическихъ теорій не потому только, что у него уже начали подсыхать крылья и выкатываться душа. Зловѣщія предсказанія, которыя онъ съ такой душевной болью дѣлалъ Сергѣю, начинаютъ уже сбываться въ дѣйствительности. Наряду съ увлеченіемъ идеализмомъ наблюдается уже скептическое отношеніе къ нему и въ рядахъ той-же молодежи. Подтвержденіемъ можетъ служить только что вышедшая книжка студента г. Гегидзе „Въ университетѣ“. Авторъ ея—сверстникъ Сергѣя, но студенческая вечеринка, съ жаркими разговорами о Марксѣ и идеализмѣ, съ „пышными фразами“ объ идеалахъ, о борьбѣ, и т. д. производитъ на него непріятное впечатлѣніе, онъ улавливаетъ въ нихъ фальшивые звуки. Недовольный студентами-ораторами съ ихъ

этическими книжными теоріями, г. Гегидзе такъ же какъ и Токаревъ, предсказываетъ имъ скорое превращеніе въ Будиновскихъ и заканчиваетъ свое повѣствованіе въ совершенно Вересаевскомъ стилѣ. „Мнѣ, говоритъ онъ, опротивѣлъ теперь университетъ... Говоря искренно, что хорошаго я видѣлъ въ немъ за всѣ тѣ четыре года, которые я провелъ здѣсь? Научили-ли меня профессора какой-нибудь новой правдѣ, укрѣпили-ли они въ моей душѣ то благое, съ чѣмъ я вступилъ сюда раньше? Я теряю здѣсь тѣ немногіе порывы къ добру, что были у меня въ гимназіи. Съ каждымъ годомъ я чувствую, я погружаюсь все болѣе и болѣе въ какую то тину жизни и становлюсь все мельче и пошлѣе.

„Я влачу сѣрую, безцѣльную, скучную жизнь. Я наполняю ее, какъ радостями только билліардомъ и развращеніемъ женщинъ. Я учусь не съ радостнымъ чувствомъ познанія, а тяну грузъ разныхъ наукъ съ мыслями о будущемъ дипломѣ. Каждый день меня томитъ тоска и ростетъ неудовлетворенность своей жизнью. Но зачѣмъ же тогда тянуть это существованіе, которое мнѣ порою невыносимо. Мои молодые, лучшіе годы единажды данной мнѣ въ вѣчности жизни проходятъ совершенно даромъ. Мое будущее, къ которому я неуклонно иду и которымъ знаю, бу-

ду жить непремѣнно, давно уже осуждено моимъ сознаніемъ и таково, что, думая о немъ, я прихожу въ ужасъ. Я трупъ и медленно разлагаюсь. Но мнѣ больно это живое разложеніе. Я не хочу его. Я страстно желалъ бы прожить жизнь хорошо, ярко и свѣтло. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ выходъ изъ этого мучительнаго положенія? Гдѣ идеалъ, въ который можно бы повѣрить и проводить его въ жизни?...“

Вотъ что говоритъ представитель современной намъ молодежи. Я не думаю, не допускаю мысли, чтобы г. Гегидзе говорилъ отъ лица всей или большинства молодежи. Это было бы ужъ слишкомъ грустно. Но если даже онъ говоритъ только о себѣ, имѣетъ въ виду единичные случаи — и то крайне печально. Онъ вѣдь сидитъ еще на университетской скамьѣ, а чѣмъ отличаются его рѣчи отъ того, что говоритъ „застывшій“ Токаревъ въ разсказѣ „На поворотѣ“, или-же докторъ Чекановъ въ повѣсти „Безъ дороги?“ Ровно ничѣмъ. Та-же неудовлетворенность собой, недовольство пошлой дѣйствительностью, то же исканіе идеала и знамени. Пожалуй даже, у новѣйшихъ искателей меньше страстности въ этомъ исканіи. Герой г. Гегидзе прямо складываетъ себя въ мертвецкую, говоритъ, что онъ трупъ, притомъ начавшій уже разлагаться. Чувствуется даже какъ

будто бы поворотъ опять къ чисто чеховскому настроенію выступаютъ вновь на сцену живые мертвецы. Будиновскіе съ ихъ комфортабельной обстановкой неизмѣримо выше этихъ топящихъ въ развратѣ свое недовольство жизнью студентовъ г. Гегидзе. Бездорожье, значитъ продолжается, яркія знамена, за которыя горячо ухватились искатели смысла жизни, увлекаютъ за собой не всѣхъ; показавшійся было вдали берегъ оказывается миражемъ, надежда смѣняется разочарованіемъ. Стихійное „невидимое", очевидно беретъ верхъ. Г. Вересаевъ доказалъ свою теорему. Этическія теоріи, всѣ поиски смысла жизни, направленія этой жизни къ одной общей высокой цѣли, очевидно, будутъ совершенно безплодными пока не будетъ упразднено это ужасное „невидимое", представляющееся чѣмъ то вродѣ того мрачнаго, слѣпо-жестокаго всадника, который въ извѣстной картинѣ Фр. Штука („Война") съ холоднымъ равнодушіемъ держитъ свой путь по человѣческимъ трупамъ. Упразднить эту силу нельзя — ergo, значитъ, полное отчаяніе, нравственная и физическая смерть нашихъ лучшихъ силъ, нашихъ витязей, при первомъ соприкосновеніи съ этой ужасной горой, съ этимъ ужаснымъ „невидимымъ". Было-бы очень тяжело, еслибы это было такъ и еслибы человѣчество пришло къ выводу, что единственно хоро-

шимъ и достойнымъ человѣка выходомъ можетъ быть только его смерть.

Мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ г. Версаевъ, какъ лѣтописецъ современныхъ настроеній, не даетъ основаній къ такого рода конечному выводу. Пусть герой г. Гегидзе имѣющій въ виду главнымъ образомъ себя одного, считаетъ себя трупомъ. Пусть даже среди современной молодежи онъ не совсѣмъ одинокъ. Тотъ же г. Вересаевъ даетъ намъ рядъ нѣсколько иныхъ типовъ, которые яркими искрами пестрятъ нарисованную имъ въ общемъ довольно таки мрачную картину современнаго бездорожья.

VII.

Типы эти намъ хорошо знакомы. Ихъ мы встрѣчали не мало и въ жизни и въ литературѣ. Это такъ называемые „скитальцы". И въ повѣстяхъ г. Вересаева передъ нами рядъ новыхъ скитальцевъ, тѣхъ русскихъ скитальцевъ, съ больной совѣстью, съ вѣчно мятущейся и ищущей душой, которыхъ характеризовалъ особенно ярко Достоевскій, самъ типичнѣйшій искатель. Наличность этихъ искателей у г. Вересаева фактъ отрадный. Люди недовольны, люди ищутъ лучшаго, а значитъ, рано-ли поздно-ли, а найдутъ. По сравненію съ той, тихой тиной, которая подернула нашу сов-

ременную общественную жизнь, это исканіе фактъ глубоко отрадный.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе годы, если не даютъ намъ еще права вполнѣ отрѣшиться отъ стараго безнадежнаго пессимизма, то по крайней мѣрѣ будятъ надежды на лучшее будущее, на новую зарю. Мы ищемъ по всѣмъ направленіямъ и напрягаемъ всѣ усилія, чтобы повернуть жизнь по другому руслу. Исканія эти не всегда замѣтны, но что они есть даже тамъ, гдѣ ихъ мы и не подозрѣваемъ — несомнѣнно. Чтобы не быть голословнымъ сошлюсь хотя на обширную диссертацію А. С. Лаппо-Данилевскаго „Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій“. Какъ ни спеціальна сама тема, какъ ни далека отъ насъ эпоха, но и здѣсь какъ видно изъ предисловія, перерывая сухія, скучныя писцовыя книги, копаясь въ архивной пыли авторъ руководился лишь стремленіемъ къ истинѣ, стремленіемъ, въ силу котораго „душа болѣзненно рвется на просторъ, хотя и прикована тяжелыми цѣпями къ міру конкретныхъ представленій, сознаніе мучительно бьется въ желѣзной клѣткѣ, но согрѣвается надеждой когда либо вылетѣть на чистый воздухъ, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я съ міровымъ бытіемъ...“

Вотъ съ какимъ стремленіемъ берется ученый спеціалистъ девяностыхъ годовъ за свой большой спеціальный трудъ. Вотъ какія надежды его одушевляютъ. И, конечно, А. С. Лаппо-Данилевскій не представляетъ собой чего либо исключительнаго въ своихъ исканіяхъ.

Несомнѣнно мы ищемъ, и ищемъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Пусть, нѣкоторые изъ этихъ искателей пошли по ложному пути. Они отрицательными результатами своихъ поисковъ покажутъ, куда другимъ ходить не слѣдуетъ. Наши декаденты и символисты, напримѣръ ударились въ изслѣдованіе тончайшихъ звуковъ и настроеній. Кое-что они нашли, хотя увлекшись въ своихъ поискахъ ощущеній дошли до гедонизма, до проповѣди чувственной любви, которую хотятъ навязать другимъ какъ цѣль жизни. Ихъ стихотворенія полны восторженными гимнами этой любви, даже самымъ ненормальнымъ ея извращеніямъ. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ и другіе представляютъ это теченіе въ формѣ красивой сказки, могущей произвести впечатлѣніе на многихъ. Но какъ только эта сказка переходитъ въ жизнь, сталкивается съ практикой она сейчасъ-же принимаетъ свой настоящій характеръ. Идеалистъ безсребренникъ, превращающійся въ буржуазнаго взяточника, живущаго только для своего желудка,

любовникъ, увлекающій и потомъ бросающій неопытную дѣвушку, наконецъ, простой откровенный развратникъ или развратница— вотъ типы, которые встаютъ живыми опроверженіями дороги, разыскиваемой нашими гедонистами. Наши „филозои“, смакующіе и чавкающіе у всѣхъ на глазахъ—порожденіе этихъ искателей. Но, пусть ищутъ и они. На ряду вѣдь съ ними ищутъ также и другіе.

На ряду съ марксистами, бернштейніанцами и идеалистами, въ поиски этой дороги выступили религіозные мистики. На нашихъ глазахъ образовалось религіозно-философское общество, не долго къ сожалѣнію просуществовавшее, но все-же оставившее послѣ себя замѣтный слѣдъ. Оно ярко подчеркнуло нарожденіе цѣлой группы искателей, отправившихся хотя и въ старомъ, забытомъ направленіи, но все-же искавшихъ новаго пути. Несомнѣнно, что закрытіе общества не прекратило исканія въ этомъ наставленіи. Люди вѣдь остались, и люди искренніе. Съ давно неслыханной горячей проповѣдью пошелъ на поиски этой дороги священникъ Петровъ. Переполнявшіе залъ, гдѣ призывалъ къ этому исканію проповѣдникъ, его слушатели не даромъ, конечно, шли на его зовъ.

А Толстой, и Достоевскій, Ницше, наконецъ Горькій и тотъ-же Вересаевъ. Мало развѣ людей, подъ впечатлѣніемъ страстныхъ

исканій этихъ писателей, заволновались и задумались надъ своимъ пошленькимъ существованіемъ, надъ собой и своей жизнью. Печальна эта жизнь. Тяжело читать Чехова, тяжело видѣть его заплѣснѣвшихъ, опошлившихся героевъ, боящихся жизни и отказывающихся ее понимать, но тѣмъ радостнѣе сознавать, что теперь это болото всколыхнулось и что многіе изъ нашихъ современниковъ сильно забезпокоились въ своихъ футлярахъ, гдѣ до сихъ поръ они чувствовали себя такъ тепло и уютно. Недовольный Сократъ лучше довольной свиньи говаривалъ Милль. Число людей, которые, подобно чеховскому Лаевскому, протестуютъ по поводу каждой торжествующей свиньи растетъ. Растетъ недовольство, растетъ исканіе, а гдѣ исканіе— тамъ и надежда.

Найдутъ-ли, однако, спросите вы?

Конечно, нѣтъ. Указать цѣль жизни много труднѣе, чѣмъ построить путеводный маякъ. Смыслъ жизни и ея цѣль своего рода философскій камень. Искавшіе его алхимики не нашли его, но въ своихъ поискахъ, открыли рядъ новыхъ химическихъ законовъ, создали химію. Страстное исканіе смысла жизни приведетъ къ такимъ-же результатамъ. Никогда мы не достигнемъ ничего математически и строго опредѣленнаго, никогда не будетъ изобрѣтена такая жизненная

таблица умноженія что-ли, при помощи которой будутъ просто и легко разрѣшаться всѣ жизненные вопросы. Но стремленіе къ уясненію себѣ смысла жизни облагородитъ эту жизнь, возвыситъ ее, сдѣлаетъ ее болѣе достойной людей. И, пожалуй, чѣмъ дальше отъ насъ будетъ идеалъ, чѣмъ труднѣе будутъ его поиски — тѣмъ лучше. Когда пловцы далеко ушли отъ берега руководствомъ имъ, по вѣрному замѣчанію Толстого, должны и могутъ служить только недостижимыя свѣтила, да компасъ, показывающій направленіе. Нашимъ скитальцамъ, нашимъ пловцамъ необходимо напомнить, какъ искалъ „завѣтъ бытія“ хотя-бы Бальмонтъ.

Я,—говоритъ Бальмонтъ,—спросилъ у могучаго моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія?
Мнѣ отвѣтило звучное море:
„Будь всегда полнозвучнымъ какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари?
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала „гори!“

Итакъ, будь „полнозвучнымъ“ какъ море, „гори“, и дорога рано или поздно будетъ найдена. Ярко пылая, откликаясь душою на все, что проситъ у сердца отвѣта, мы и не замѣтимъ какъ подведемъ итоги жизни, и итоги далеко не маленькіе, далеко не безрезультатные.

Позвольте, спросите вы, а какъ-же то невѣдомое, темное, которое стоитъ у всѣхъ поперекъ дороги и мѣшаетъ дѣлать хорошее дѣло? Кто, однако, рѣшится утверждать что борьба съ нимъ не возможна. Гору, которой не могли одолѣть при всей своей силѣ до историческіе витязи, теперь легко взорветъ динамитомъ простой каменщикъ. Совершенно параллельно съ яркимъ пламенемъ, которымъ будутъ горѣть наши искатели, будутъ исчезать мрачные тона темной стихійной силы, упразднится сама ея стихійность. Несомнѣнно, что это невидимое страшное народилось на свѣтъ не сейчасъ только: оно пришло въ міръ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Въ старину оно было неизмѣримо больше, неизмѣримо страшнѣе и, однако же, люди не только прожили много вѣковъ, но двинулись впередъ и замѣтно сократили размѣры этого ужаснаго стихійнаго тормаза.

Думаю, что не стоитъ подробно останавливаться на приведенныхъ г. Вересаевымъ примѣрахъ проявленія этого „невидимаго“ и показывать, какъ прогрессируетъ медицина, все болѣе и болѣе устраняющая ужасъ окружающихъ насъ случайностей, какъ просвѣщеніе избавляетъ деревню отъ „порченыхъ“ и колдуновъ, какъ наконецъ совершенствуются формы общественной жизни, въ которой начинаютъ появляться все болѣе и болѣе живые элементы. Жизнь идетъ впередъ, и какъ ни

безсильны кажутся наши мятущіеся скитальцы, какъ ни безцѣльны представляются ихъ поиски, а результаты ихъ мы видимъ, они слишкомъ бросаются въ глаза для того, чтобы ихъ не замѣтить. Пусть пылкіе Сергѣи, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ, превратятся въ спокойныхъ Токаревыхъ или Будиновскихъ, они все-же если не пробьютъ брешь, то сдѣлаютъ замѣтную трещину въ горѣ темной стихійной силы. Параллельно съ ними не въ состояніи будутъ уживаться Сквозники--Дмухановскіе и герои Щедрина, и жить станетъ лучше. Огонь исканія даже если онъ гаснетъ впослѣдствіи, важенъ уже тѣмъ, что онъ очищаетъ душу, хотя бы только отчасти парализуетъ силу той темной невидимой силы, о которой съ такимъ ужасомъ говоритъ Мопассанъ, Метерлинкъ, Чеховъ Леонидъ Андреевъ и Вересаевъ. Пройдя черезъ горнило такого огня, даже маленькія дѣла могутъ привести къ великимъ результатамъ. Побольше только энергіи, настоящаго дѣла, поменьше словъ и рефлексіи, поменьше натиковъ, и все «образуется».

Изданія Т-ва „ЛИТЕРАТУРА и НАУКА"

Спб., Изм. полкъ, 2 рота, д. 2, кв. 11.

Е. А. Ляцкій. И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ-фототипіей, автографомъ и силуэтомъ Гончарова. Спб. 1904. Цѣна 2 руб.

В. Ѳ. Боцяновскій. Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле М. Горькаго. Изд. 2-е значительно дополненное. Спб. 1903. Цѣна 60 коп.

Его-же. Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле Л. Андреева. Спб. 1903. Цѣна 40 коп.

А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 1903. Цѣна 1 р. 25 к.

Н. И. Коробка. Личность и общество въ русской литературѣ начала XIX в. Спб. 1903. Цѣна 60 коп.

С. А. Адріановъ. „На днѣ". М. Горькаго. Критическій набросокъ. Спб. 1903 Цѣна 20 коп.

А. М. Ловягинъ. О преподаваніи географіи. Спб. 1903. Цѣна 40 коп.

Его-же. Очерки отечествовѣдѣнія и сравнительной географіи. Спб. 1903. Цѣна 80 коп.

М. С. Боцяновская. Библіотека указателей. Вып. I. Указатель къ „Дневнику" проф. А. В. Никитенки и „Воспоминаніямъ" И. Панаева. Спб. 1903. Ц. 50 к.

К. І. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1903. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Заказы исполняются съ наложеннымъ платежемъ.

